

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

**Капицын В.М., профессор, докт. полит. наук,
профессор ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова**

Для обозначения смен состояний общества в социологии чаще всего применяют термин «социальные изменения». *Социальное изменение* – разновидность изменения вообще, но оно само выполняет роль родового понятия для ряда понятий («инновация», «адаптация», «рост», «модернизация» и др.). Исследования с использованием терминологии социальных изменений актуально в контексте формирования национальной инновационной системы.

Социология пересматривает строгое деление социальных состояний на социальную статику и динамику, более критично относится к системным и организмическим подходам, т.к. сложнее и неопределённое стала социальная реальность. Общества рассматриваются в движении («*процессуальный образ*») как дематериализованная социальная реальность с более сложными, в том числе «слабыми» (когнитивными) взаимодействиями, легко преодолевающими защиту разных систем. Больше внимания уделяется взаимодействию интегрирующих и дезинтегрирующих процессов. Это лучше объясняют подходы *синергетической самоорганизации*, *социальной энтропии* (И.А. Пригожин, И. Стенгерс), «*социокультурного поля*» (П. Бурдьё, Й. Пасрон). Метафора «*динамического поля*» полнее выражает природу изменений как «протяженных» и одновременно фрагментированных. Образ «поля», выявляя недостатки системологических объяснений, подчеркивает значение интеракционистских, идентификационных, синергетических, социально-когнитивных подходов.

К понятию «социальное изменение» обращаются все субдисциплины социологии, а также другие науки, в том числе естественные, точные, технические. Американский социолог П. Бергер считает, что «опыт социального изменения находится в самой сердцевине социологии как дисциплины..., социология развивалась как интеллектуальный ответ на социальные изменения, имевшие характер катаклизма»¹. Динамизм социальных процессов, их усложнение приводит к необходимости концентрации научных сил на изучении социальных изменений, как в рамках социологии социальных изменений, обретающей базовый характер, так и междисциплинарном режиме.

Эта потребность актуальна и в дискурсе о кризисе социологии. Говорят о неспособности её угнаться за когнитивными революциями (революциями знания и сознания) и кваликативными революциями (революциями качества). Обретение социологией социальных изменений базового характера помогло бы обобщать в её рамках достижения всех других субдисциплин и наук².

¹ Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический метод // Личностно ориентированная социология / Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. М., 2004. С. 327.

² Горюнов А.В., Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // СОЦИС. 2011. № 2.

Формы социальных изменений

Для изучения социальных изменений важна их типологизация (классификация). Последняя является универсальным способом выделения и сравнения существенных признаков, типов систем, соотнесения динамики и статики в социальной реальности и в её познании. Типологизация помогает объяснять, какие смыслы вкладываются в развитие, какие силы (факторы) определяют социальные изменения.

Социальные изменения рассматриваются обычно как *развитие*, идущее линейно («линия») и мульти-линейно («веер»), или как *цикл* (движение «по кругу» или «спирали», как «маятник», «волна»). «Линия» раскрывает направленность процесса к более высокому уровню *эволюционным* или *скачкообразным* (революционным) путём. «Веер» показывает вариативность изменений. *Цикл* – форма, где изменения идут не прямо («не линейно»), а последовательно повторяются, проходя одни и те же идентичные фазы, как бы «по кругу». Как пишет Ж. Бодрийяр, «динамика роста и изобилия становится кругообразной и обращается на самую себя»¹. В «цикле» каждое состояние системы на любой стадии имело аналог в прошлом и может повториться в будущем. Ещё в древности астрономические циклы (космические ритмы) определяли последовательность сельских работ, а значит, и судьбу людей.

Социальные изменения имеют циклы, повторяющие определенный порядок (ритм), ограничивающий хаос. Древний китайский историк Сыма Цянь уловил циклическую смену «принципов» государственной власти. Китайцы опирались на концепцию изменений, постоянно повторяющих 64 основные ситуации, что изложено в книге Чжоу И «Всеохватные круговые перемены». В различных социальных процессах он обнаружил циклы с периодами 3, 9, 18, 27 и 30 лет². Известны разные концепции циклов: наций Дж. Вико, войны и мира А. Тойнби, длинных экономических волн Н.Д. Кондратьева, строительных циклов (С. Кузнец). Есть множество концепций жизненных циклов: человека (Э. Эриксон), этноса (Л. Гумилёв), цивилизаций (А. Тойнби), общественных движений (О. Рамштадт), организаций (И. Адизес), научной специализации (Н. Маллинз), технологического уклада (Дж. Доси). И. Валлерстайн применил теорию циклов Кондратьева к исследованию кризисов мировой экономики. Исследователи деловых циклов получали Нобелевские премии (С. Кузнец, Ф. Кидланд, Э. Прескотт).

«Размыкание» циклов приводит к использованию метафоры спирали»³: в ней последовательные состояния системы схожи, но не идентичны (восходящая «спираль» – прогресс, нисходящая – регресс). «Известно, что образ спирали обладает большой генеративной силой, весьма способствует инсайту, благодаря

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 254.

² См.: Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2001, С. 123.

³ См.: Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России и ряда других систем. – М., 2010; Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996.

чему довольно часто фигурирует в трудах обществоведов в качестве одной из базовых метафор социальных изменений»¹. Инновационные циклы также интерпретируются метафорой спирали. Используется также метафора «волны», что наглядно отражает связь восходящего и понижающегося изменения. Отход от «цикла» и «линии» даёт также метафору «маятника» – колебаний от полюса к полюсу с замедлением и ускорением движения.

Все эти метафоры, особенно «волна» и «маятник», связаны с поисками равновесия (баланса), выхода из него или возвращения к нему. В. Парето в теории циркуляции элиты представил, как общество проходит через циклы равновесия, дестабилизации, потери равновесия и нового равновесия. Не всегда эти циклы видны невооруженным взглядом. Ж. Бодрийяр пишет: «Все существует в молниеносном ракурсе, где заканчивается полный цикл накопления власти или истины. Нет ни инверсии, ни субверсии: цикл должен быть завершён»². Дальнейшее исследование данных форм изменений сулит новые продвижения в формировании в формировании инновационных систем.

С.А. Кравченко применяет метафору состояния сложной системы «на грани хаоса», которые могут быть дестабилизированы фактором малых причин.

Факторы социальных изменений

Социологи задаются вопросом, что (кто) было причиной (движущей силой) изменений. Но таких факторов бывает много, и построение реалистических моделей социальных процессов требует учёта многих взаимосвязанных причин, в том числе взаимовлияния объективных и субъективных факторов. В качестве независимых от людей объективных факторов выступают явления природы – периоды солнечной активности, неожиданные перепады погоды, ведущие к засухе или, наоборот, к чрезмерным выпадениям осадков, глобальное потепление. А.Л. Чижевский (1897-1966) показал связь между периодами солнечной активности и масштабными социальными потрясениями, вывел закон квалитативно-компенсаторной функции биосферы. В.И. Вернадский (1863–1945) более определённо показал, что приближаются пределы действия такого закона; в масштабах планеты деятельность человечества в целом превращается в фактор изменений, подобный геологическому, но действующий гораздо быстрее. Им, тем не менее, необходимо учиться управлять, развивать ноосферное мышление и управление, чтобы человечество не погибло. К концу XX в. положения В.И. Вернадского и А.А. Богданова начали трактоваться в русле нового закона – усиления роли общественного интеллекта (квалитативной революции), включающей фактор всеобщего образования и образовательной политики.

Социология внесла свой вклад в выяснение фундаментальных механизмов, генерирующих социальные изменения, т.е. причинно-

¹ Плотинский Ю.М. Указ. произв. С. 116.

² Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб, 2000. С. 90.

следственной модели изучаемого процесса. В XX в. С. Московичи, Р. Будон¹ выявили значение когнитивных факторов (мышления, верований, настроений, коллективных представлений), что способствовало введению понятия «социо-когнитивный механизм» социальных изменений. Народное образование, как показали успехи бывшего СССР, стало мощнейшей (фундаментальной) составляющей социо-когнитивного механизма социальных изменений. Со временем образование стало глобальным фактором изменения мира.

Говоря о соотношении объективных и субъективных факторов, следует помнить и смене онтологических парадигм социологии – от классической социологии к неклассической (модерн) и обозначение такого направления постнеклассической социологии как постмодерн. *Классическая социология* не могла преодолеть наследие ответственности перед Богом (Логосом), передававшим историческим личностям (монархам и богословам) бремя ответственности за происходящее при спонтанном развитии истории и безмолвии масс. Видимо, в связи с этим О. Конт искал новую позитивную религию и соотносил её с социологией. В *неклассической социологии* модерна произошла переоценка человека как субъекта изменений в сторону идеализации научно-технического знания и циклов производства и потребления.

По отношению к роли исторических личностей не могут удовлетворять ни теории *героического детерминизма*, ни теории *социального детерминизма*. Есть третий – *эволюционно-адаптивный подход* (Д. Лукач, Франкфуртская школа – М. Хокхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас; из нынешних социологов Р. Будон), показывающий, что адаптивная составляющая социальных трансформаций обеспечивается героями, гениями, пророками и т.д. Эволюционная – зависит от соединения усилий многих людей, применения техники, воздействия социальных условий. Такую теорию разрабатывал, в частности, Р. Мертон применительно к науке и образованию. Изучая роль гениев, он соединил принципы вариации и отбора. Выдвижение гениев объяснялось «принципом вариации» (случаем), при этом допускалось, что в каждом народе наблюдается определенная пропорция гениев. Становление гениев в качестве «великих» определяется принципом отбора, зависящим не только от таланта, энергии, ума, но и от социальных условий.

В качестве примеров могут служить корпорации Microsoft и Apple, возглавлявшиеся их лидерами Р. Гейтсом и ныне покойным Ст. Джобсом. Эти лидеры – гении инноваций и предпринимательства, возглавившие успешные коллективы, инновационный процесс, но этому способствовали условия, когда масса специалистов, получивших образование в Европе, СССР, России, Индии, приехали в США. Такой синтез помог мировому сообществу серьезно продвинуться в ключевых направлениях обработки информации, обеспечении социальной мобильности, совершенствования управления. От исторической личности в наше время всё

¹ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998; Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

больше требуется та мудрость оправданного риска и тот инсайд, о которых пишет И. Валлерстайн: «Мы были бы мудрее, если бы формулировали наши цели в свете постоянной неопределенности и рассматривали эту неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска»¹.

Для социальных изменений немалую роль сыграли исторические личности, не участвующие непосредственно в политике, но оказывающие опосредованное воздействие. Это – учёные, от известных математиков, физиков, химиков изобретателей техники, до создателей экономических, социальных и политических теорий и институтов. Великие исследователи и конструкторы создавали технические основы для государственной политики. Но общественные, политические и государственные деятели воплощают потенциал этих достижений в социальные и политические реалии, чтобы выигрыш получала экономика и широкие слои населения.

Среди обществоведов, оказавших влияние на социальные изменения, можно отметить классиков Канта, Гегеля, К. Маркса, В.И. Ленина, М. Вебера, Дж. Кейнса, Т. Парсонса. Вклад в изучение общественного развития сделал и В.И. Вернадский. Из учёных второй половины XX в., можно выделить, группу политологов и социологов под руководством Г. Киссинджера, разрабатывающую внешнеполитические проекты «разрядки» и «челночной дипломатии». Или коллектив советских учёных, осуществлявший в 1960–начале 1970-х гг. проект АН СССР типологизации капиталистических стран с использованием многомерно-статистического анализа и междисциплинарного подхода (85 стран).

К субъектам социальных изменений относят *государства, организации и движения*. Г. Блумер видел в движениях «один из главнейших способов, которым переделываются современные общества»; А. Турен – производителей «исторических деятелей»; Э. Гидденс – коллективную попытку осуществить общие интересы или общие цели путём коллективных действий вне рамок существующего института.

Но существенно изменилась роль движений и факторы их формирования. В XXI в. движения принимают как *организационный* характер (лидер – активисты – объединение – масса), так и *сетевой* (участники – тема – интерес – координатор или провайдер). М. Кастельс именуется социальной структурой информационного общества «*сетевым обществом*», которое создано сетями производства, власти и опыта, образующими культуру виртуальности в глобальных потоках. Общества пронизаны повсеместной логикой сетевых структур общения и экономики, включающей как традиционные торговые сети, так и виртуальные сети рекламы, знакомств, контактов, получения знания, влияния на политику и бизнес².

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 326.

² Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010.

«Социальные сети» – форма участия в общественной жизни; в основе её децентрализованные системы коммуникации, которые могут иметь координаторов. Это позволяет им делать границы систем, в том числе государств проницаемыми, т.к. в «сетях» связи между контрагентами скоростные и почти не зависят от пространства. В отличие от традиционных сетей (родства, соседства, конференций, клубов) глобальные коммуникационные сети отличаются значительной анонимностью, мобильностью, нивелирующей пространство и время, флуктуационностью, возможностями помощи субъектной реализации в разных областях. Так значительным субъектом социальных изменений могут стать блогеры, сообщества компьютерных специалистов, анонимные сети поддержки политики, в том числе хакеры. В социальных сетях значимым становится доверие, одобрение, публичная признательность, малые транзакционные затраты, открытость общения, а также мобилизационная способность, апеллирующая к символам, мифам, верованиям, идентичностям¹.

Флуктуационность «сетей» позволяет им проявлять мобильность и дестабилизировать общества, находящиеся в состоянии неравновесия, чувствительные к необычным действиям людей, носящим случайный характер². Сетевой принцип действия воспринимают такие субъекты социального изменения как СМИ, взаимодействующие с виртуальными сетями и оказывают всё более серьёзное влияние на формирование общественного мнения и манипулирование им³. Образуются глобальные сети, способствующие установлению новых конфигураций субъектов (блоки государств – внутренняя оппозиция отдельных стран; СМИ – движения блогеров – политические деятели; анонимные движения хакеров – «разоблачительные сообщества» и др.), что порождает новые модификации социальных изменений. Сегодня признается существование некоторых субъектов глобального управления – влиятельных легальных, теневых и нелегальных объединений, ТНК, оказывающих, наряду с доминирующими государствами, международными организациями, всё большее влияние на мировое развитие.

Традиция, современность и модернизация

Традиция – понятие, показывающее отличие прошлого («старины») от современности; институт, обеспечивающий непрерывное существование прошлого в настоящем, неразрывность существования народа во времени (т.е. коллективную идентичность). Выступает она в формах материальной, *институциональной* (нормы, стандарты, организации), *идеальной* (ценности, идентичности, знаки,

¹ Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // ПОЛИС. 2009. № 1.

² Аверин Ю. Обновление концепции социального управления в контексте современного научного знания // Социология на пороге XXI века. М., 1999. С. 232

³ См.: Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. М., 1993. Киев, 2003. [Электронный ресурс]. www.nmnby.org (дата обращения: 21.04.2013)

символы, верования) и выполняет функции: а) аккумуляции ресурсов, помогающих ориентироваться в современности; б) источника легитимации настоящего и будущего, законности, отсылок к авторитетам; в) поддержания символов коллективной идентичности, усиливающих чувство общей истории, исторической судьбы, принадлежности к нации, группе. Традиции амбивалентны: могут влиять и позитивно, и негативно.

Современность означает существование людей в определённом периоде времени и состоянии культуры, институты которой обеспечивают преемственность событий и символов в качестве протяжённого настоящего. Относительно временной и пространственной идентификации современности идут споры. В XX в. говорят о *классической и неклассической современности*. *Классическую* современность связывают с развитием капитализма; *неклассическую (модерн, пост-современность)* – с размыванием классических признаков (европоцентризм, границы, национальные ценности).

Затем поток социальных изменений привел в конце XX в. к новому переопределению современности. Ученые говорят о *пост-современном* обществе (*пост-неклассическом, постмодерне, позднем модерне*). В качестве его признаков можно назвать:

- 1) глобализацию – вовлечение всех обществ в единые всемирные связи и процессы;
- 2) беспрецедентные скорости и расстояния распространения информации;
- 3) переход от преимущественного аграрного и индустриального производства к экономике знаний, производства и распространения информации;
- 4) технологические инновации во всех сферах жизни;
- 5) рост транснациональной мобильности, в том числе миграции;
- 6) размывание этических образцов (добра, зла, полезности) и заимствование «размытых» образцов во всех странах;
- 7) рост разрыва в доходах разных слоев населения в разных регионах;
- 8) расширение влияния транснациональных институтов, приоритет прав человека и отступление национального государства.

Со второй половины XX в. сначала в философии, искусстве, затем социологии распространяются идеи *постмодернизма* – типа философствования, дистанцирующегося от ценностей как классического, так и пост-классического (модернистского) наследия. Постмодернизм стал реакцией на созданный в СМИ образ общества как всепроникающего супермаркета, сциентизм и потребительство. Но реакцией бесперспективной («скачка индивидуализации»), лишаящей социальную науку ориентиров.

Пост-современность тесно связана с *глобализацией* – общемировым процессом, рядом фундаментальных изменений, объединяющих мир с помощью универсальных (космополитических) образцов. Народы, общества, экономики становятся взаимозависимыми в политическом, социальном, экономическом, культурном, юридическом аспектах. Изоляция (самоизоляция) обществ затрудняется в силу развития электронных технологий коммуникации, возрастания скоростей транспорта, кооперации экономик, международной миграции. И. Валлерстайн говорит о «мир-системе» и «мир-экономике». Границы

государств всё более «прозрачны»; суверенитет сужается. В экономике доминируют ТНК, экономические союзы государств, складывается глобальное разделение труда. В культуре, хотя и менее однозначно, усиливается тенденция к единообразию. СМИ быстро распространяют вести. Миграции и туризм знакомят с образом жизни в других странах.

Термин «модернизация» употреблялся сначала как синоним прогресса и анти-традиционализма, позднее стал синонимом осовременивания (modernity). Различают первичную модернизацию (классическую – переход от традиционного общества к индустриальному) и вторичную (переход к информационному обществу). Некоторые страны (КНР, Россия, Индия) не завершили первичную модернизацию, но уже продвинулись во вторичной. Россия близка к завершению первичной модернизации (пока ещё сохраняется высокая смертность населения), продвинулась во вторичной (за счёт распространения компьютеров), но в целом здесь изменения идут медленно. На 100% осуществили первичную модернизацию 35 стран, из них определённо вступили во вторичную 29 стран, а высоко продвинулись в последней – 20 стран¹.

Основной социологический смысл «модернизации» до начала XXI века воспроизводился как достижение обществом образцового состояния, которое определяется странами-лидерами (США). Такая теория возникла в США в конце 1950-х–начале 1960-х гг. Её основа разрабатывалась виднейшими социологами США в конце 1950-1960-х гг. Классическая теория «догоняющей модернизации» предполагала ускоренный переход от традиционного общества к обществу «современному» (модернити). При этом ключевым инструментом модернизации представлялись преобразования в экономической сфере жизнедеятельности общества; его социокультурная составляющая игнорировалась. Но социология не может поводить анализ модернизации, отрывая экономические и технологические процессы от социальных. Научное социологическое изучение модернизации должно улавливать всё многообразие исторических представлений, разделяя их в соответствующих идеально-типических конструкциях, учитывающих национальные особенности². В своем анти-традиционалистском выражении она применялась к отсталым в экономическом и политическом отношении странам. Сейчас стало ясно, что такое понимание носило ограниченный линейный характер, не учитывало «веера» возможностей. С обретением независимости в ряде стран традицию посчитали «тормозом» прогресса. Когда же модернизации не привели к ожидаемым результатам, произошел возврат к культу традиции. Вместо «линии» получили «маятник» колебаний. Обозначилось двуединство «модернизация–глобализации»: концепт модернизации выражает внутреннюю экспансию капитала (на своё общество); концепт глобализации – внешнюю экспансию на освоение новых пространств³.

¹ Лапин Н.И. Стадийный анализ всемирной модернизации: опыт китайских учёных и возможности его использования в России // Социология инноватики. Социальные условия модернизации. М., 2012. С. 26.

² Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // СОЦИС. 2002. № 10.

³ Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // ПОЛИС. 2012. № 6. С. 51.

Многие государства, осуществлявшие «догоняющую» модернизацию (в основном к обществу потребления), пережили серьезное разочарование. Были утрачены многие социальные завоевания прошлого периода, приобретены не самые лучшие черты общества потребления. Устранение традиционных институтов нередко влекло социальную дезорганизацию, беспорядки, аномию, рост преступности, паразитическое перераспределение ресурсов общества. Вместо органического принятия образцов Запада происходила имитация модерна. Модернизация «запаздывала». По мнению М. Кастельса, ряд концепций, заимствуемых у Запада, устаревает (в том числе, либерализм, демократия, универсализм прав человека). К. Поланьи предупреждал, беспредельная экспансия капитала расширяет псевдо-эквивалентный обмен на рынке, приводящий к полному контролю капитала над государством; контроль капитала над обществом становится главным мотивом модернизации¹.

Инновационная деятельность и мобилизация

«Инновация» (термин введен Й. Шумпетером) требует социально-когнитивного анализа. *Инновации* нередко характеризуют как начало коммерциализации изобретения, вывода его на рынок. В социологическом смысле инновация – внедрение в систему определенных новшеств для её качественного изменения. Необходимо управление изменениями, *инновационной деятельностью*², включающей в себя поэтапный процессы производства знания, изобретения, внедрения, распространения (диффузии) новшества, вывода устаревающих внедрений из процесса. С другой стороны, такая деятельность – социокультурное изменение структуры и функций организации (реорганизации), ценностно-нормативной системы коллективов.

Внедрение новшеств встречает, как правило, сопротивление организации, т.к. затрагивает интересы её членов. А.Г. Здравомыслов пишет об «инновационном конфликте», порождающем риски отторжения и деконсолидации, требующем специальной политики и идеологии, расширения сторонников реорганизации, институционального закрепления инновации. Бескомпромиссное разрешение конфликта может вызвать раскол организации, отток ценных кадров. Инновация как коллективное поведение востребует лидера, инновационный потенциал организации (общества).

Т. Парсонс и Н. Смелзер ввели понятие «харизматической инновации», выделив её этапы:

- 1) усиление неудовлетворенности достижениями экономики;
- 2) проявление иррациональных компонентов социальной напряженности (враждебности, агрессии, нереалистических надежд, фантазий и утопий);

¹ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

² См.: Лебедев С.А., Ковылин Ю.А. Философия научно-инновационной деятельности. М., 2012. С. 40-41.

3) попытки урегулирования за счет мобилизации мотивационных ресурсов на основе существующей системы ценностей;

4) благожелательная терпимость управленцев к новым идеям в сочетании с неготовностью взять на себя ответственность за риски;

5) попытки уточнить и конкретизировать новые идеи и предложения, привлекая внимание предпринимателей и управленцев;

6) ответственное применение нововведений теми, кто принял на себя риск, надеясь оправдать инновацию;

7) становление нововведения как элемента образа жизни (институционализация), преодоление тем самым конфликта.

Организация как система не всегда может воспринять большое количество инноваций или даже одно крупномасштабное нововведение. Масштаб инновации соотносится с состоянием системы. Нередко заимствование самых передовых технологий отторгается, не даёт эффекта из-за неразвитости институциональной среды. В социологии сложились концепции *«инновационных путей развития»*, которые были реализованы некоторыми странами и регионами. В Западной Европе еще в конце Средних веков при удачном сочетании исторических, географических и духовных факторов сложились предпосылки такого пути развития (отсутствие с VIII в. крупных военных вторжений извне, сочетание децентрализации с устойчивой государственной властью, развитие торговли, производства, накопление капиталов, интеллектуальный, технический и подвижнический потенциал). Свою роль сыграли особенности ментальности, сформированные борьбой между церковью и государством, Реформацией и Контрреформацией, – предприимчивость, рациональность, обязательность, свободолобие, бережливость («протестантская этика»).

Сначала лидером инновационного развития стала Голландия, которая благодаря режиму регулирования частной собственности, снижению себестоимости изделий завоевала многие рынки. Затем лидерство надолго перешло к Англии, а в XX в. – к США, чему способствовали приток предприимчивых мигрантов, удачная внешнеполитическая конъюнктура, отсутствие войн на территории. Впоследствии в число лидеров включилась Япония, сочетавшая режимы частной собственности и государственного регулирования, традиции и современное управление предприятиями. СССР, добившись значительных успехов в индустриализации, образовании, науке, культуре, подтягивался к лидерам. ЕС, Южная Корея, Сингапур и КНР, Малайзия, Индия продемонстрировали возможности инновационного развития, используя государственное планирование. Ряд стран создал национальные инновационные системы, настроенные на постоянное обновление элементов системы. Россия, выходя из провала 1990-х г., заявила в 2005 г. о переходе на инновационный путь. Лидерство обретают страны, в которых созданы национальные инновационные системы; в их создании государство играет особую роль, причём, несмотря на авторитарные режимы. Подтверждается тезис о том, что инновационная деятельность имеет социокультурную составляющую, связана с учётом менталитета населения.

В социологии есть и другой термин «мобилизация», получивший значение, противоречащее инновационному типу развития. Мобилизация предполагает сосредоточение больших средств и людских ресурсов на быстром решении острых проблем, что, как считается, отвлекает от инновационного развития. Для мобилизационного пути, по мнению А.Г. Фонотова, характерно: а) импульс к обновлению – заимствование «извне», а не результат внутреннего развития; б) не общество приспосабливается к инновации, а инновация адаптируется к принимающей системе; в) глубокие реформы – неременный атрибут; г) реформы разрушают старые связи, а это, в свою очередь, дезорганизует систему; д) заимствованные «извне» новшества распространяются локально (в отдельных частях целого), встречают сопротивление системы и деградируют до состояния «старых» структур; е) высока роль компенсационных ресурсов мобилизации (природных ресурсов, принудительного труда, территориальных приобретений).

Без учёта этих особенностей модернизация в России проходит тяжело. Для описания изменений в таком обществе используют метафору «квадратного колеса»: оно долго накатывается на «угол», потом, быстро падая на «плоскость», опять застревает. Преимущество запаса полезных ископаемых и развитого ТЭК играет в России иногда тормозящую роль для инновационной политики государства: недостаточно поддерживается средний бизнес, занимающийся инновациями, сохраняется инерция в развёртывании поддержки учёных и венчурных компаний, не развиваются институты конкуренции. В 2009 г. все крупные компании России вместе взятые расходовали на НИОКР 800 млн. долл., а одна General Motors – 8 млрд. долл. В России, по оценке Минэкономразвития, около 10% компаний разрабатывали и внедряли технические инновации; в Германии – 73, Бельгии – 58, Эстонии – 47, Чехии – 41%¹. Полезные ископаемые истощаются, а инновационный процесс создаёт постоянно источники развития².

В силу исторических условий часть государств развивались *мобилизационным путём*. Россия и Китай могли выживать и развиваться при условии концентрации ресурсов на решении постоянных проблем целостности своей территории, защиты от внешних вторжений за счёт доминирования политико-государственных факторов над экономическими. Мобилизация не отвергала полностью инновацию как импульс реформ, но означала её проведение более жёсткими методами, обеспечение результатов чаще всего путём перенесения новых технологических образцов в лоно старого уклада и преодоления сопротивления общества с помощью реформ «сверху».

¹ Примаков Е.М. В чём постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с реальностью // Вест. Моск. ун-та. 2011. № 2. С. 9.

² Конечно, происходят определённые сдвиги в становлении венчурной индустрии (предприятий, привлекающих инвестиции в освоение научных разработок). По свидетельству А.Б. Чубайса, эти привлечённые средства каждый год удваиваются (Программа РБК. 18.04.2013). Но проверки Счётной палаты РФ в 2013 г. показали неэффективность основных инновационных институтов типа РОСНАНО и фонда «Сколково»: при больших расходах средств отдача получается мизерная.

Но, в больших нестабильных системах мобилизация может сочетаться с инновацией, как показал опыт Японии. В ряде стран было неизбежным сочетание двух путей развития под эгидой государства (КНР, Индия, Корея, Сингапур, Малайзия, Вьетнам). В начале XXI в. России предстоит соединять инновационный и мобилизационный пути развития, формируя национальную инновационную систему, что включает в себя: создание условий повышения инновационной активности предпринимательской среды; развитие механизмов диффузии технологического знания; развитие науки и проблемная ориентация её на решение задач инновационного развития¹. Государству, школе, университетам, венчурным компаниям, предпринимательскому сообществу предстоит найти модель взаимодействия для обеспечения позитивных социальных изменений².

Оценка, мониторинг и моделирование социальных изменений

Социальные изменения могут в определённых пределах быть управляемыми, что очень важно для формирования национальной инновационной системы. Для этого используют ряд социальных, политических, правовых механизмов социального управления и контроля, включающих инструменты оценки, экспертизы, планирования, программирования, мониторинга, моделирования.

Скоординированное планирование предоставляет возможность строить оптимальные взаимодействия всех структур и уровней управления центра, регионов, муниципалитетов, поддерживать пропорции их развития³. Для планирования и программирования необходим мониторинг⁴. Мониторинг (monitor – предостережение, наблюдение) – механизм оценки изменений, информационного обеспечения политики (управления), основанный на систематическом слежении за параметрами изменяющегося объекта. Он выявляет составляющие социального изменения, поддающиеся целенаправленному управленческому воздействию, снижению негативных эффектов и усилению позитивных. Социологический мониторинг включает наблюдение, анализ документов, изучение массовых представлений и экспертных заключений о переменах.

Можно выделить некоторые направления мониторинга социальных изменений: собственно управления (в узком смысле) – реализации управленческих решений; принятия решений (законов, программ); стратегических рисков в социальной сфере; профилактики негативных явлений

¹ См.: Голиченко О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы // Социология инноватики. Социальные и культурные условия модернизации. М., 2012.

² Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии // СОЦИС. 2012. № 9.

³ Рычихина Э.Н. Значение разработки системы управленческого мониторинга для руководства муниципальными образованиями // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. 2009. № 1. Том 4. С. 112 – 114.

⁴ Милехин А.В. Социологический мониторинг. М., 2001.

– общеуголовной преступности, противодействия экстремизму и терроризму, борьбы с коррупцией; предупреждения природных и техногенных катастроф; экономических кризисов.

Мониторинг в управлении улавливает сигналы о приоритетах и проблемах, помогает диагностировать состояние управляемости, строить модели прогнозов, интегрированное представление о трансформации системы. Отслеживание параметров изменений включает показатели¹, характеризующие средства, цели, иерархию систем управления, качество объекта, начальное состояние управляемой (управляющей) системы и её проективные характеристики и т.д. В конечном счёте, выявляется алгоритм, позволяющий видеть отклонение результатов от планируемых и необходимость корректировки реализации планов.

Так строится механизм оценки и мониторинга изменений, позволяющий видеть эффективность деятельности. Относительно муниципальных образований такой механизм включает доклады глав местных администраций городских округов и муниципальных районов о достигнутых значениях показателей, методику мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов; методические рекомендации о порядке выделения за счет бюджетных ассигнований из бюджета субъекта РФ грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей.

В развитии механизмов оценки и мониторинга в России определённый сдвиг произошёл после Указов Президента РФ², утвердивших систему из 32 показателей с поручением Правительству разработать дополнительные показатели (всего их на уровне муниципалитета около 150)³. Концепция «электронного правительства» предполагает, что отчеты размещаются на сайтах в Интернете, и граждане и НКО видят от федерального до муниципального уровня выстроенную систему показателей и реализацию планов социально-экономического развития страны.

Мониторинг различных сфер использует разные количественные и качественные показатели. В сфере борьбы с бедностью разрабатываются минимальные социальные стандарты, показатели уровня безработицы, индексы бедности по широте охвата населения, предельной бедности, социальной

¹ Показатели – доступные для наблюдения и измерения характеристики изучаемого объекта, получаемые на основе статистических и эмпирических данных. Индексы – это система обобщения эмпирической количественной информации, её комбинирования, т.е. сочетания показателей (Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М., 2004).

² Указы Президента РФ от 28 июня 2007 г. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» и от 20 мая 2011 г. «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

³ Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Утвержден Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 (в ред. Указа Президента РФ от 13 мая 2010 г. № 579).

дифференциации (*децильный коэффициент, индекс Джини, кривая Лоренца* и др.), соотношение цен на жилье и уровня доходов. В области демографической политики важны: коэффициент общего прироста населения и прироста городского населения, коэффициент чистой миграции (миграционное сальдо), суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, плотность населения, миграционная ёмкость территории.

В области экологии – показатели бытового потребления воды на душу населения, запасы грунтовых вод, очистка сточных вод, плотность гидрологических сетей, использование сельскохозяйственных пестицидов, применение удобрений, площадь пахотных земель на душу населения, состояние сельскохозяйственного образования, интенсивность вырубки леса, ПДК и реальная концентрация загрязняющих веществ в атмосфере, доля твердых отходов на жителя в определенном поселении, образование опасных отходов, в том числе радиоактивных, химических¹.

Все показатели адаптируются в комплексную систему показателей. Для комплексного критерия из нескольких показателей конструируют индекс (из нескольких индексов более комплексный индекс)². Так индекс ПРООН (развития человеческого потенциала – ИРЧП) с охватом более чем 170 стран, рассчитывается по специальным формулам с помощью трёх основных индексов: 1) доходы, 2) грамотность населения; 3) ожидаемая продолжительности жизни при рождении. Кроме того, в 2010 г. в него впервые введены ещё три корректирующих индекса: неравенства, гендерного неравенства и многомерной бедности.

Индекс может играть роль рейтинга, если используются шкалы, помогающие сравнивать и выстраивать ранги субъектов по их достижениям и проводить классификацию субъектов социальных изменений по многим параметрам. В качестве рейтингов выступает ряд глобальных индексов: демократизации Т. Ванханена (Хельсинкский ун-т), трансформации фонда Бертельсмана (ФРГ), мировой конкурентоспособности (Всемирный экономический форум), восприятия коррупции («Transparency International») и др. В классификации политических систем разработана система многомерных и комплексных индексов: государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, институциональных основ демократии, индекс ПРООН. Академия наук КНР (Центр исследования модернизаций) публикует доклады, ранжирующие индексы по 131 стране с использованием 30 индикаторов и интегрированных индексов³. В 2005-2010 гг. коллектив учёных МГИМО провёл комплексное сравнительное исследование политических систем и режимов 192 современных государств, создал многомерные модели сравнительного анализа.

¹ См.: Управление изменениями в системе государственной власти и госслужбы. Часть 1. – М., 2002. С. 165-168.

² Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств /Рук. авторского коллектива А.Ю. Мельвиль. М., 2007.

³ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). М., 2011.

Индексы и рейтинги сочетаются с моделированием. Моделирование – исследование реалий с помощью модели – теоретико-методологического инструмента. Модель в завершённом виде – это концептуальный инструмент, ориентированный на управление моделируемым процессом, выполнение задач прогнозирования, построения и отладки социальных механизмов. Исследователь строит когнитивную модель (образ механизма), затем – содержательную и концептуальную, затем формальную (квантифицированную) модель – математическую, компьютерную¹.

Владение этими инструментами помогает социологам не только изучать, но и планировать (программировать) социальные процессы, оценивать тенденции общественного и мирового развития. В.И. Вернадский, 150-летие которого в 2013 г. празднует человечество, создал учение о ноосферном развитии, строгом программировании и учёте влияния человеческой деятельности, ведущей к поистине тектоническим изменениям Земли. Таким образом, в условиях нарастания инновационных процессов значение вышеназванных инструментов возрастает, т.к. они помогают не только создавать институты инновации, но и согласовывать политические решения, предвидеть влияние последних на социальные процессы и институты.

¹ Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. С. 89.